

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ СЛОВО

Я рад выразить признательность людям и организациям, чья поддержка и любезная помощь сделали возможным написание этой книги: фондам Ланнана, Уайтинга и Гутгенхайма; центру Белладжо Фонда Рокфеллера; Сан-Маркосской кафедре английского языка Техасского университета; Бобу Корнфилду, Роберту Джонсу и Уиллу Блайту; Робу Холлистеру; Иде Миллер, Нику Гуверу, Маргарет, Майклу и Френчу Фраям; Уильяму Ф. Кс. Бэнду Третьему; а также прекрасной Синди Ли.

Подробностями ранних лет военной карьеры персонажа полковника Сэндса автор обязан мемуарам Уильяма Ф. Кс. Бэнда «Воины, оседлавшие ветер» (Castle Books Inc., 1993).

Вновь посвящаю Х. П. и Тем, Кто

1963

Этой ночью, ровно в три часа, убили президента Кеннеди. Юнга Хьюстон и два других новобранца ещё мирно спали, а по свету уже разлетелись первые сообщения. На острове было небольшое ночное заведение — полуразвалившийся клуб с большими крутящимися вентиляторами на потолке, барной стойкой и автоматом для игры в пинбол; двое морпехов, что держали клуб, зашли к салагам, растолкали и рассказали, что стряслось с президентом. Они, эти двое морпехов, сели с тремя матросами на койках в бараче из гофрированного железа для временно расквартированных военных и стали пить пиво, наблюдая, как с кондиционера в консервную банку сочится по капле вода. Армейский узел связи на базе в бухте Субик не умолкал всю ночь, передавая сводки о загадочном убийстве.

Теперь было уже позднее утро, и юнга Уильям Хьюстон — младший опять понемногу трезвел; он продирался сквозь джунгли острова Гранде с позаимствованной на время винтовкой двадцать второго калибра наперевес. Поговаривали, здесь, в окрестностях военного пансионата, водятся дикие кабаны,— а на Филиппинах он пока только и видел, что этот самый пансионат. Хьюстон не отдавал себе отчёта, что он думает об этой стране. Просто хотелось поохотиться немного в джунглях. Кабаны-то, как говорили, бродят где-то совсем поблизости.

Ступал он осторожно, помня о змеях и стараясь не шуметь, потому что хотел услышать кабана прежде, чем тот на него набросится. Нервы у него были на взводе, и это Хьюстон тоже прекрасно осознавал. Повсюду вокруг на все десять тысяч голосов перекликались джунгли, с берега доносились крики чаек и отдалённый шум прибоя, а если замереть на месте и с минуту прислушиваться, то можно было уловить, как в разгорячённом теле мерно тикает пульс, а в ушах потрескивает стекающий пот. Если же простоять без движения ещё хоть пару секунд, то сразу подлетали насекомые и с зудением принимались виться у головы.

Хьюстон прислонил винтовку к чахламу банановому стеблю, снял с головы повязку, выжал, отёр лицо и ненадолго остановился, отмахиваясь тряпкой от комарья и рассеянно почёсывая в паху. Неподалёку сидела чайка и, как казалось, вела сама с собой жаркий спор: сначала раздалась череда протестующих скрипов, а ей наперебой — возражение в виде более низких возгласов: «Ха! Ха! Ха!» А потом матрос Хьюстон заметил, как что-то перемещается с дерева на дерево.

Не сводя взгляда с точки среди ветвей гевеи, в которой засёк животное, он потянулся за винтовкой. Вот оно снова шевельнулось. Теперь стало ясно, что это какой-то вид макаки, немногим крупнее собачки-чихуахуа. Определённо не дикий кабан, но всё же и тут было на что посмотреть: левой рукой и обеими ногами она уцепилась за древесный ствол и с раздражительной суетливостью расковыривала тонкую кору. Матрос Хьюстон взял тощую обезьянью спину на мушку. Потом приподнял оружие на пару градусов и прицелился макаке в голову. Без каких-либо раздумий надавил на спусковой крючок.

Обезьянка распласталась по стволу, исступлённо раскидывая в стороны конечности, а затем завела обе руки назад, словно хотела почесать себе между лопаток, и свалилась на землю. Матрос Хьюстон с ужасом наблюдал, как она бьётся

в конвульсиях. Вот макака взметнулась, оттолкнувшись рукой от почвы, и присела, опершись спиной о ствол и вытянув ноги перед собой, будто хотела отдохнуть после тяжёлого рабочего дня.

Матрос Хьюстон подобрался на несколько шагов ближе и с расстояния всего в пару ярдов увидел, что мех у обезьянки очень блестящий, красновато-коричневый в тени и светлый на солнце, в зависимости от того, какое положение примут шевелящиеся сверху листья. Макака огляделась по сторонам и принялась судорожно глотать воздух, а животик её с каждым вдохом поразительным образом раздувался, прямо как резиновый шарик. Стрелял-то Хьюстон снизу, и пуля прошла брюшную полость.

Он почувствовал, как его собственный желудок разрывается надвое. «Твою бога душу мать!» — крикнул он макаке, будто та могла как-то изменить своё досадное и отвратительное положение. Он уже думал, что вот сейчас у него взорвётся мозг — если предполуденная жара так и будет выжигать вокруг все джунгли, если чайки так и будут орать, а обезьянка — осторожно оглядываться по сторонам, вертеть головой и вращать с боку на бок чёрными глазками, точно следя за ходом какого-то разговора, какого-то спора, какой-то борьбы, которую все эти джунгли, всё это утро, весь этот миг вёл с самим собой.

Хьюстон подошёл к макаке, опустил винтовку рядом с ней на землю и поднял зверька двумя руками, одной подерживая зад, а другую подложив под голову. С восхищением, а потом с омерзением понял он, что обезьянка плачет. С каждым выдохом из горла вырывался всхлип, а когда макака моргала, из глаз струились слёзы. Она смотрела туда-сюда и, кажется, человек занимал её ничуть не больше, чем всё остальное, что она видела вокруг. «Эй», — позвал Хьюстон, но обезьянка, похоже, ничего не слышала.

Он держал зверька на руках, и вот сердечко наконец перестало биться. Встряхнул макаку, но знал — это бесполезно. Почувствовал, что во всём виноват он сам, и, поскольку рядом никого не было и никто бы его не заметил, Хьюстон дал волю чувствам и разрыдался — как ребёнок. Да он и был, в сущности, вчерашним ребёнком: ему было всего восемнадцать лет.

Когда Хьюстон вернулся на побережье, к клубу, то увидел, что на серый пляж выбросило прибоем косяк прозрачно-фиолетовых медуз — несколько сотен студенистых созданий, каждое — примерно с ладонь, лежало на солнце и постепенно ссыхалось под его лучами. Маленькая островная гавань пустовала. Никакие лодки сюда не ходили, если не считать парома от военно-морской базы на другом берегу бухты Субик.

Всего в нескольких ярдах, фасадами к песчаной полосе, под величественными деревьями стояла пара бамбуковых хижин — с веток им на крыши осыпались мелкие лиловые цветочки. Изнутри одной доносились крики: какая-то парочка занималась любовью — шлюха, предположил матрос Хьюстон, и какой-нибудь моряк. Хьюстон присел на корточки в тени дерева и слушал, пока они не перестали хихикать и громко дышать, а из-под застрехи не подала голос ящерица — сначала прозвучал короткий предупреждающий щebet, а затем резкий, отрывистый гоготок: «гек-ко»; «гек-ко»; «гек-ко»...

Немного погодя мужчина вышел из хижины — стриженный ёжиком, сорокалетний, под животом повязано белое полотенце, в передних зубах — сигарета; он косолапо стоял, одной рукой придерживая полотенце на бёдрах, пошатывался и вглядывался во что-то близкое, но невидимое. Вероятно, какой-то офицер. Вот он взял сигарету большим и указательным пальцем, затянулся и выдохнул туманное облачко дыма, тут же окутавшее ему лицо.

— Очередное задание выполнено.

Открылась входная дверь в соседнюю хижину, оттуда, прикрывая ладонью промежность, выглянула обнажённая филиппинка и сказала:

— Он это делай не любит.

Офицер крикнул:

— Эй, Везунчик!

К двери подошёл какой-то низкорослый азиат, полностью одетый в камуфляжную униформу.

— Ты что же это, не доставил даме удовольствие?

Азиат ответил:

— Могло навлечь неудачу.

— Карма,— сказал офицер.

— Может быть,— произнёс низкорослый.

Хьюстона же офицер спросил:

— Чего, пивка ищешь?

Вообще-то Хьюстон уже должен был находиться в другом месте. Теперь он понял, что опоздал и что мужчина обращается к нему. Свободной рукой офицер сдёрнул полотенце и отшвырнул сигарету. Почти вертикально вниз пустил струю мочи, в клочьях пены которой безвозвратно сгинул окурок, а Хьюстону сказал:

— Увидишь чего стоящее, так ты дай знать.

Чувствуя себя дураком, матрос Хьюстон вошёл в клуб. Внутри играли в пинбол и переговаривались две юные филиппинки в ярких цветастых платьях, причём тараторили они так быстро, да ещё и большие вентиляторы так вертелись под потолком, что у Хьюстона едва не подкосились ноги.

Из-за стойки поднялся один из морпехов, по имени Сэм.

— А ну, всем заткнуться! — скомандовал он. Поднял руку — в ней, как оказалось, он держал кухонную лопатку.

— А что я сказал? — не понял Хьюстон.

— Извини.— Сэм махнул головой в сторону радиоточки, сосредотачиваясь на звуке, точно слепой.— Поймали-таки этого типа.

— Так ещё же перед завтраком об этом сказали. Не новость уже.

— Там ещё кое-что о нём выяснилось.

— Ну и ладно,— бросил Хьюстон.

Он выпил воды со льдом и немного послушал радио, но сейчас у него так трещало в голове, что ни слова было не разобрать.

Через некоторое время вошёл офицер в безразмерной гавайской рубашке, а с ним и молодой азиат.

— Поймали его, господин полковник,— сообщил офицеру Сэм.— Парня зовут Освальд.

Полковник спросил:

— Какой такой ещё Освальд? — казалось, будто фамилия убийцы возмутила его не меньше, чем само злодеяние.

— Ёбанный сукин сын,— ответил Сэм.

— Точно, что сукин,— согласился полковник.— Надеюсь, ему там яйца-то отстрелят. Нашпигуют пулями по самую сраку.— Он без всякого смущения смахнул слезу и продолжал: — А Освальд — это имя или фамилия?

Хьюстон про себя отметил, что сперва этот офицер молчился на землю, а теперь — вот он уже и плачет.

Молодому же азиату Сэм сказал:

— Сэр, мы, конечно, чертовски рады гостям. Но вообще-то филиппинская армия здесь не обслуживается.

— Везунчик у нас из Вьетнама,— ответил полковник.

— Из Вьетнама? Ты что, заблудился?

— Нет, не заблудился,— сказал юноша.

— Этот парень,— продолжал полковник,— уже водит реактивные самолёты. Капитан военно-воздушных сил Республики Вьетнам.

Сэм спросил юного капитана:

— Так что, война у вас там или как? Ну, война: бдыщ-бдыщ-тыдыдыщ! — он изобразил обеими руками, будто держит пистолет-пулемёт, и синхронно затряс ими в воздухе. — Да? Нет?

Капитан отвернулся от американца, сформулировал в уме фразу, отработал, повернулся обратно и проговорил:

— Не знаю насчёт войны. Много людей умерло.

— И этого достаточно, — согласился полковник. — Это уже кое-что.

— А здесь чего делаешь?

— Я здесь для подготовки, летать на вертолёте, — сказал капитан.

— На вид-то тебе и на трёхколёсный велик садиться равновато, — усомнился Сэм. — Сколько тебе?

— Двадцать два года.

— Что ж, поставлю, пожалуй, пивка этому косоглазику. «Сан-Мигель» устроит? Да, не против, если буду звать тебя косоглазиком? Дурная привычка.

— Зови его Лаки, Везунчиком, — посоветовал полковник. — Берём, Везунчик! Чем травиться-то будешь?

Парень нахмурился, с таинственным видом сам с собой посоветался и произнёс:

— Мне, если можно, «Лаки Лагер».

— А сигареты какие куришь? — осведомился полковник.

— Если можно, «Лаки Страйк», — ответил он ко всеобщему веселью.

Внезапно Сэм воззрился на молодого матроса Хьюстона, будто только сейчас его узнал, и спросил:

— А где моя винтовка?

С секунду Хьюстон не понимал, о чём идёт речь. Потом его осенило:

— Бля!

— Где она? — судя по всему, Сэма она не так уж прямо интересовала, просто было любопытно.

— Бля,— проговорил матрос Хьюстон.— Ща я за ней сгоняю.

Пришлось возвращаться в джунгли. Стояла ровно такая же жара и ровно такая же сырость. Всё те же самые животные производили те же самые звуки, и положение было ровно столь же ужасно, он был вдали от родного дома, и во флоте ещё служить целых два года, и президент, президент его родной страны по-прежнему мёртв — а вот макака куда-то исчезла. Винтовка Сэма лежала в кустах, там же, где он её оставил, а обезьянки нигде не наблюдалось. Видимо, какой-то зверь утащил.

Хьюстон был готов к тому, что придётся опять её увидеть; так что он испытал облегчение — можно было вернуться в клуб и не мучить себя лицезрением плодов своего поступка. И всё же, без особой тревоги или беспокойства, он понимал: навсегда от подобных картин ему не уберечься.

Матроса Хьюстона один раз повысили в звании, а потом снова понизили. Он мельком видел некоторые из больших столичных городов Юго-Восточной Азии, бродил душными ночами по улицам, на которых дрожали в затхлом бризе огни фонарей, но ни разу не оставался на суше достаточно долго, чтобы разучиться переносить качку, лишь достаточно для того, чтобы сбиться с толку, насмотреться на мешанину лиц и послушаться страдальческого смеха. Когда срок службы истёк, он завербовался на новый, при этом более всего его завораживала власть вершить собственную судьбу, просто вписав в нужную графу свою фамилию.

У Хьюстона имелось два младших брата. Ближайший к нему по годам, Джеймс, записался в пехоту и был отправлен во Вьетнам, и вот как-то ночью, как раз перед окончанием своего второго срока во флоте, Хьюстон сел на поезд от военно-морской базы в японской Ёкосуке до Ио-

когамы — там они с Джеймсом договорились встретиться в баре «Арахис». Дело было в 1967 году, с убийства Джона Кеннеди прошло уже больше трёх лет.

В вагоне Хьюстон смотрел вверх чёрных как смоль макушек и ощущал себя великаном. Пассажиры — все как один малорослые японцы — разглядывали его без радости, без сожаления, без стыда, пока он не почувствовал, будто ему сворачивают шею. Вот он наконец сошёл с поезда и через вечернюю морось двинулся по прямой вдоль мокрых трамвайных рельсов, ведущих к бару «Арахис». Хьюстону не терпелось поговорить с кем-нибудь по-английски.

Большой зал «Арахиса» был битком набит военными моряками и потёртыми на вид ребятами из торгового флота, в голове сразу стало тесно от гомона голосов, а в лёгких — от сигаретного дыма.

Джеймса Хьюстон нашёл у сцены, протолкнулся к нему и протянул руку.

— Сваливаю я из Ёкосуки, браток! Снова на борт! — объявил он первым делом.

Приветствие потонуло в музыке оркестра — выступал квартет каких-то местных японских подражателей «Битлов» в ослепительно-белых костюмах и с чёлочками. Джеймс сидел в гражданской одежде за небольшим столиком и тупо глазел на музыкантов, не замечая ничего вокруг, так что Билл прицельно запустил ему в открытый рот солёным орешком.

Джеймс указал на оркестр:

— Вот ведь цирк с конями! — чтобы было хоть сколько-нибудь слышно, ему пришлось кричать.

— Ну чё тут сказать? Здесь тебе не Финикс.

— Это почти так же нелепо, как ты во флотской униформе.

— Меня отпустили два года назад, а я на сверхсрочную зачислился. Не знаю — просто взял вот и записался.

— Ты чё, бухой был, что ли?

— Ну да, прибухнул чуток, ага.

Билл Хьюстон был приятно удивлён: брат-то, оказывается, больше не мальчик! Джеймс носил стрижку ёжиком, отчего его челюсть мощно выдавалась вперёд, и сидел ровно, не вертелся и не ёрзал. Даже в штатском платье выглядел как солдат.

Они заказали кувшин пива и сошлись на мнении, что, за исключением немногих странных моментов, вот как этот бар «Арахис», Япония им обоим вполне по вкусу — хоть Джеймс пока и провёл в этой стране в общей сложности шесть часов в перерывах между полётами и наутро уже должен был сесть в новый самолёт и лететь во Вьетнам; по крайней мере, о японцах оба отозвались вполне положительно.

— Я тебе вот чего скажу, — произнёс Билл, когда оркестр удалился на перекур и стало слышно друг друга, — у этих япошек тут всё такое ровненькое и квадратное, как под линейку. Ну а в тропиках, браток, — там одно дерьмо, дерьмо на дерьме сидит и дерьмом погоняет. У каждого мозги давным-давно спеклись и закипели.

— Вот и мне то же самое рассказывают. Думаю, и сам всё узнаю.

— А насчёт того, как там воюется?

— А что насчёт этого?

— Чего говорят?

— Да в основном-то, говорят, всё просто: стреляешь по деревьям, а те отстреливаются в ответ.

— Ну а реально-то как оно? Хреново?

— Думаю, сам всё узнаю.

— Ссышься?

— Я тут во время подготовки как-то видел, как один парень другого подстрелил.

— Да ну?

— Прямо в жопу попал, представляешь?! Но это случайно было.

Билл Хьюстон сказал:

— Это что, при мне как-то в Гонолулу один чувак другого замочил.

— В драке, что ли?

— Ну как, тот гондон другому гондону денег был должен.

— И как это случилось, в кабаке?

— Нет. Не в кабаке. Чувак этот подошёл со двора к его дому, встал под окном, позвал. Мы тогда с ним мимо проходили, вот он и говорит: «Погоди, говорит, мне тут надо с одним чуваком перетереть, он мне денег должен». Так они с минуту где-то трындели, а потом тот чувак, ну, который со мной-то был, — вот он, значит, взял да и шамальнул в того, в другого-то. Прицелился из пушки прямо в оконную сетку, братан, да и бабахнул разок, вот так. Из сорок пятого автоматического, да. А тот чувак вроде как на спину хлопнулся у себя там в квартире.

— Да ты гонишь!

— Нет. Всё по-честному.

— Серьёзно, значит? Ты сам при этом был?

— Да мы просто шлялись себе без дела. У меня и в мыслях не было, что он собирается кого-то завалить.

— Ну а ты-то чё?

— Да я-то едва в штаны не наделал со страху. А он обращивается, сует пушку под рубашку и такой: «Эй, идём-ка опрокинем по пивчанскому!» Словно ничего и не было.

— И как же ты всё это... прокомментировал?

— Да как-то вообще не возникло желания об этом упомянуть.

— Понимаю — ну типа, бля, чё тут скажешь-то?

— Можешь не сомневаться, я всё гадал, что́ он думает обо мне как о свидетеле. Я ведь почему тогда рейс